Примат общественного над личным, или Российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина

Рецензия на книги: Безгин В.Б. Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common Place, 2017. — 334 с. ISBN 978-999999-0-25-7; Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов, 2017. — 248 с. ISBN 978-5-91678.

В.М. Рынков

Вадим Маркович Рынков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. E-mail: vadsvet@list.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-143-156

В современной российской академической среде существует устойчиво высокий интерес к изучению традиционного общества во всех его проявлениях. Полиэтническое и поликонфессиональное прошлое и настоящее российского социума является благодатным полем для реализации исследовательских возможностей. Социологи, этнологи и этнографы, юристы и историки добились в последние годы впечатляющих результатов. *Peasant Studies* представляют удачную программу междисциплинарного синтеза именно этим, а не только преобладанием крестьянства в структуре российского и советского до середины XX в. общества, объясняется сфокусированность большинства исследований на изучении крестьянства как основного носителя традиции.

Владимир Борисович Безгин, безусловно, относится к кругу ведущих исследователей российского крестьянства второй половины XIX — начала XX века. В широкий круг его научных интересов всегда входило изучение сельских обычаев и деятельности крестьянских судов. Двигаясь им же самим давно проторенными путями, он обобщил результаты многолетних исследований сразу в двух монографиях[1].

1. *Безгин В.Б.* (2017). Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.; *Безгин В.* (2017). Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.

Структура монографии «Мужицкая правда» представлена четырьмя главами, воплощающими замысел книги. Первая глава посвящена вопросам историографии, источникам и анализу теоретических споров вокруг феномена обычного права. Вторая глава называется «Правовые обычаи в повседневности села», но на самом деле ее содержание несколько уже. Если ее интерпретировать в терминах современного правоведения, скорее укладывается в понятие ключевых аспектов гражданских правоотношений: землепользование, имущественные, обязательственные отношения, опека и усыновление. Уголовному преследованию в обычном праве посвящена третья глава. Последняя, четвертая, глава содержит сведения об особенностях судопроизводства у русских крестьян. Богатый научно-справочный аппарат монографии содержит 1086 отсылок к архивным материалам, научным исследованиям, публицистике, мемуарам и художественной литературе.

Опубликованная рецензия на монографию о повседневном мире крестьянки позволяет опустить ее формальную и содержательную характеристику и остановиться только на тех ее аспектах, которые связаны с обычным правом[2]. По тематике эта книга далеко не ограничена обычным правом, широко охватывая разнообразные аспекты женской повседневности. И в то же время укоренение традиций в русской деревне происходило при помощи их санкционирования крестьянским социумом, что вело к юридизации обыденной жизни. Быт становился средой, где зарождались правовые обычаи, и через анализ бытового уклада оказываются понятны их функции. Следовательно, проблема обычного права — сердцевина изучения повседневности, что очень четко прослеживается в исследовании В.Б. Безгина.

Для обеих его книг характерно тонкое переплетение юридической антропологии и этнографии. В первой акцент делается больше на мужскую тематику, что оправдано гендерными ролями мужчины как основного крестьянского работника, хозяина в доме, исполнителя договоров и судьи. Автор не намеревался специально ограничивать свой взгляд на обычное право, но объективно существующий разворот в сторону «мужика» отрефлексирован в названии. Вторая книга целенаправленно дает другой, женский, срез исследуемой им проблематики. Всегда интригует, если мужчина берется за изучение гендерных аспектов, но именно такой взгляд на «женскую долю» и дает надежду на большую объективность анализа знатока, но не адепта.

Если учесть существование целого ряда монографий и диссертаций, посвященных близкой тематике, невольно возникает вопрос, в чем же новизна исследования, проведенного Безгиным. Справед-

2. *Лаухина Г.В.* (2017). Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов, 2017 // Гуманитарные исследования Центральной России. № 1(6). С. 52–56.

ливости ради признаем, что многие положения не являются совсем уж новыми, более того, в результате длительной дискуссии стали общепринятыми в узкоспециализированной отечественной историографии. Но у Безгина есть свое особое место среди специалистов по обычному праву русских крестьян, неповторимый стиль работы с историческими источниками и манера подачи материала читателю. Т.В. Шатковская в многочисленных своих публикациях раскрывает феномен обычного права русских крестьян с помощью теоретико-правового инструментария, многие исторические проблемы ею только лапидарно намечены. Л.И. Земцов сделал акцент на функционировании судебной системы крестьян. Практика волостных крестьянских судов, ставшая материалом для его исследования, далеко не тождественна обычному праву, о чем будет подробнее сказано чуть позже.

В исследовании Безгина читатель найдет особый, целостный, можно даже сказать, соборный взгляд на изучаемую проблему. Он проанализировал внутреннюю организацию обычно-правовой подсистемы крестьянского социума, вписав ее в контекст сельской повседневности, рассмотрел свой предмет в динамике, показав факторы, под влиянием которых трансформировалась традиция. И в этом смысле он решал классические для историка задачи. Междисциплинарное по методам и источниковой базе, его исследование в целом осталось в поле исторической науки. Кроме того, в обеих рецензируемых монографиях представлен достаточно полный географический срез крестьянских традиций, подчас доходящих до амбивалентности. С середины 1850-х до 1920-х гг. в отечественной науке закрепилась практика углубленного, часто монографического изучения обычного права крестьян отдельных губерний, даже уездов. В современной историографии исследования, как правило, проводятся с опорой на материалы определенного, хотя порой довольно крупного региона. Безгину же удалось преодолеть извечный историографический локализм, причем значительную часть материала подать в объяснительном ключе: не просто констатировать различие, существовавшее в правоприменении в разных местностях для сходных случаев, но и вскрыть причины таких различий. Наконец, что очень важно, значительная часть исследователей, работая в государственно-правовой парадигме, основным фактором трансформации обычного права считала государственные реформы. В рецензируемых книгах ключевым предстает изменение уклада жизни под влиянием технического прогресса, развития городов и индустриального сектора экономики, роста миграций. Реформы могли влиять на темпы данных процессов, но не определять их генеральную линию, следовательно, являлись фактором вторичным.

Несомненно, новизна этим не ограничивается. Главная новация состоит в совмещении истории права и этнографии. Такое соседство во многом определили историографические основания и источниковая база исследований Безгина. Не столько анализ литерату-

ры, кратко и емко данный в первой главе одной из его монографий (1, с. 12–38)[3], сколько оба текста в целом свидетельствуют о наличии трех историографических опор. Во-первых, это теоретико-правовые труды, которые, нужно отдать должное, Безгин проследил единым потоком от дореволюционных историков и теоретиков права до советских исследователей крестьянского правосознания и современных концепций обычного права и его отдельных составляющих. Во-вторых, это исследования по истории правовых обычаев крестьянства России, сельских и волостных судов. В-третьих, это этнографические публикации второй половины XIX — первой трети XX века. Не умаляя заслуг предшественников, Безгин убедительно показал, что в последнее двадцатилетие российская историография совершила настоящий прорыв и в накоплении фактического материала по истории обычного права, и в его концептуальном осмыслении. В рамках одной монографии невозможно даже просто упомянуть всю огромную литературу по данному вопросу. Потому важна не полнота, а достаточность историографической базы — качество, присущее обеим монографиям.

Заявив целью своего исследования изучение русских крестьян, автор широко трактует это понятие. У него присутствуют материалы о русских крестьянах не только центральной части страны, но и Севера, Урала, Сибири, о сельских жителях некоторых народов Поволжья (кстати, вопреки названию книги). Длительное совместное проживание с русскими и сходный образ жизни позволили включить их в объект исследования. Нельзя не оставить без внимания тот факт, что особенно ощутимых успехов в изучении обычного права добились исследователи из национальных автономий Российской Федерации. Очевидно, что у российского крестьяноведения, так же как и у антропологии права, есть большие перспективы выхода на сравнительно-исторические параллели посредством более активного привлечения материалов разных народов, населявших Российскую империю. Эта мысль кажется значимой именно в контексте знакомства с первой главой монографии об обычном праве русских крестьян Безгина, в которой подобных сравнений недостает. Когда автор пытается классифицировать соотношение обычного права и закона применительно к русскому крестьянству, более широкий полиэтнический контекст и учет результатов исследований обычного права других народов позволял бы усилить и фундировать выводы. Тогда взаимодействие русского правового обычая и официального законодательства окажется лишь одним из возможных вариантов.

Что касается источников, то ключевую роль Безгин отводит этнографическим. Изданные и архивные материалы собирателей на-

3. Сокращенный и одновременно подновленный вариант части данной главы опубликован автором позже: *Безгин В.Б.* (2018). Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // Право: история и современность. № 1. С. 7–15.

родных обычаев предстают на страницах книги во всем богатстве и многообразии и не оставляют сомнения в том, что этнографами второй половины XIX — первой четверти XX века была проделана колоссальная работа по сбору фактического материала, только сейчас по достоинству отмеченная, но, как мне кажется, довольно редко по-настоящему используемая в современных исследованиях. Между тем автору именно это богатство позволило резко расширить географические рамки исследований, показать широкий спектр правовых обычаев, существовавших в разных местностях по случаям, схожим с точки зрения юридических фактов. Капитально проработав фонды Государственного архива Тамбовской области, Безгин всегда имеет возможность показать преломление любых обычно-правовых практик в сопоставлении с обычаями, принятыми у тамбовских мужиков.

Среди законодательных источников впору пришлись сенатские определения. Привлекая их, Безгин убедительно доказывает, что судебная практика конца XIX века вынуждена была считаться с обычаями крестьян, а в ряде вопросов наследственного права инкорпорировала обычай в позитивное право, допуская в том числе и вариативность применения некоторых норм в зависимости от укоренившихся на местах способов разрешения конфликтов крестьянскими судами (1, с. 47–48, 59). Напротив, крестьяне могли проигнорировать законодательную новеллу, если она противоречила сложившейся обычно-правовой практике (1, с. 57). В брачном праве крестьян также всегда господствовал обычай, в какое бы он ни входил противоречие с нормами законодательства. Огромную ценность имеют наблюдения Безгина о совпадении крестьянского обычного права и законодательства в отношении государственных преступлений и преступлений против веры. Крестьянское правосудие в них не вторгалось, отдавая подозреваемого на суд государственный. Зато во всем, что связано с суевериями и магией, крестьянское правосудие опиралось на обычаи, полностью игнорируя нормы закона.

Фундаментальные научные проблемы, такие как соотношение закона и обычая, закона и справедливости, преступного и нравственного поведения в крестьянском правосознании, Безгин исследует на основании конкретных ситуаций, возникавших в крестьянских мирах Российской империи. Именно такой подход позволяет констатировать наличие двойных стандартов в оценках крестьянами целого ряда правовых ситуаций. Решение судебных органов напрямую зависело от того, принадлежал правонарушитель к крестьянскому миру или «чужой» социальной группе (1, с. 77). В результате мелкое надувательство «чужих» не считалось правонарушением, тогда как обман «своих» трактовался как преступление.

В каждой из рецензируемых монографий достойное внимание уделяется анализу брачных традиций. Приведенный автором материал свидетельствует в пользу традиционного в отечественной ис-

ториографии взгляда на господство ранних браков в крестьянской среде и широкое распространение браков подростков, почти мальчиков, с более старшими девушками. Все это противоречит приводимой Б.Н. Мироновым статистике, по которой средний возраст вступления крестьян в брак был достаточно солидным[4].

Вступавший в брак крестьянин не просто совершал круговорот обставленной множеством ритуалов семейно-брачной мобильности. Это движение имело и строго юридическое закрепление в обычноправовой практике: право на земельный надел, на участие в сходах; восхождение во внутрисемейной иерархии — своеобразное подобие негласной крестьянской «табели о рангах». Примечательно, что утратившие трудоспособность старики и старухи сохраняли авторитет именно как носители знаний о традициях (2, с. 30). И уже с полной очевидностью юридические нормы проявлялись в таких последствиях брака, как семейные разделы, порядок ухода за престарелыми и сиротами. Даже в семейном обычном праве эволюция шла не столько под влиянием природно-географических факторов и этнокультурного окружения, сколько как результат интеграции в крестьянскую жизнь капиталистического уклада. Безгин приводит тому многочисленные свидетельства, неоднократно акцентируя внимание на углублявшихся различиях в брачно-семейных нормах промысловых регионов с господствовавшим отходом и местностями, где сохранялось преобладание земледельческого уклада.

Довольно внятные очертания в монографиях Безгина приобретает сложнейший вопрос о праве собственности на имущество домохозяйства и на землю. Распоряжение имуществом имело трехуровневую структуру: глава дома (большак) осуществлял оперативное управление, ограниченное, однако, общей волей взрослых членов семьи, заручиться которой следовало при решении судьбоносных вопросов. Если вопрос стоял о платежеспособности дворохозяйства, то мог вмешаться сход, ограничивая при необходимости право большака по распоряжению имуществом двора. Современному человеку это может напомнить отношения между управляющим компании, собранием акционеров и государством, имеющим возможность ввести кризисное управление. Но за таким внешним сходством скрываются фундаментальные различия. Поэтому Безгин аргументированно настаивает на восприятии семьи как артели. Именно трудовой вклад в накопление общесемейной собственности открывает право на долю имущества и на участие в решении его общей судьбы. Неспроста приемные дети становились полноправными наследниками, а родные, не принимавшие участия в общем труде семьи, лишались такого права (2, с. 62–63, 86). Вся логика наследственного права объясняется с точки зрения максимального сохранения трудового потенциала крестьянских семей. Разделу

4. *Миронов Б.Н.* (2003). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб. С. 167–169.

не подлежали те части имущества, без которых невозможно было поддерживать полноценное хозяйство.

Приводимый автором материал по уголовному праву свидетельствует об амальгаме крестьянских правовых обычаев, официального закона и церковного регулирования морально-нравственного состояния общества. Крестьянская традиция функционировала как распределяющий механизм. Когда крестьяне считали санкции писаного закона неоправданно мягкими, они вершили коллективный самосуд. В ряде случаев крестьянское сообщество передавало право на вынесение санкций церкви. К таковым можно отнести убийство по неосторожности. Мелкие имущественные преступления часто до судов не доходили, а разрешались путем индивидуального самосуда. Судьями и исполнителями выступали родственники, соседи или односельчане, заставшие преступника с поличным.

В обычно-правовой практике в связи с тяжкими преступлениями особенно заметна «вековая седина», восходящая к «Русской правде» и доказывавшая, что первоосновы крестьянского обычного права закладывались много веков назад и неизменно считались крестьянами разумными. Чего стоит только возможность убийцы «замириться» с родственниками убитого, выплатив им отступное (как не вспомнить «головщину»). Недопустимость такого исхода в судебной практике общих судов, к компетенции которых убийства и относились, вела к тому, что в случае мировой сделки преступление скрывалось от властей (1, с. 158). Убийство в драке считалось в народе убийством по неосторожности. В рецензируемых монографиях читатель найдет еще немало других примеров обычно-правовых норм, известных по записям древнерусского права.

Ценнейший материал приведен о мелких правонарушениях. В крестьянском правосознании угрозы и словесные оскорбления приравнивались к совершенному деянию, что, находясь в полном противоречии с писанным правом, отразилось и в практике сельского судопроизводства (1, с. 174–175). Почти по всем мелким преступлениям имущественного характера и против чести наказанием становилось материальное возмещение, приветствовалось примирение сторон, которым подчас завершалось до половины всех волостных судебных дел (1, 189). Для укрепления морального климата в общине суды эффективно использовали общественные работы и позорящие наказания, на которые крестьяне были весьма изобретательны в каждом конкретном случае (1, с. 298; 2, с. 103–106). Тексты монографий позволяют выявить и специфику ювенальной обычно-правовой юстиции: родитель всегда вправе наказывать своих детей. Если наказание не создавало угрозы жизни ребенка, оснований для включения общинных механизмов защиты от насилия не возникало (1, с. 177). С гендерными особенностями семейного насилия сложнее. С одной стороны, побои мужьями жен за любую провинность и даже просто для острастки — широко укоренившаяся в деревне практика, с другой — волостные суды очень часто становились на сторо-

ну пострадавшей, наказывая не только непосредственного обидчика, но и старших в семье, допустивших сверхнормативное насилие. Кстати, если детально разбираться в волостной судебной практике, можно обнаружить ту границу, за которой «нормальный» уровень внутрисемейного насилия, регулировавшийся как социальная норма, оказывался превышенным, и требовалось подключение обычноправовых юридических регуляторов.

Большое внимание Безгин уделил и практике сокрытия преступлений от правосудия. Крестьянские суды не выносили смертных приговоров, зато существовала практика «смертоубийственных» самосудов за тяжкие преступления, скрываемые общиной от правосудия (1, с. 258–274). Примечательно, что помимо широко известных расправ с конокрадами и поджигателями, зафиксированных в древности как нормы писанного права, Безгин пишет о воровстве пчел и приводит многочисленные данные о расправах над лицами, заподозренными в колдовстве. В последнем случае возникает презумпция виновности. Крестьянский социум предпочитал избавляться от лиц, подозреваемых в способностях производить негативные магические действия, не разбираясь в доказательной базе (1, с. 191; 2, с. 101–102). Очень детально освещена Безгиным особая женская крестьянская обрядность. Нарушителей укоренившегося ритуала настигало возмездие, которое в крестьянском правосознании воспринималось как вполне правомерное наказание (2, с. 121–123). Безгин выступает против трактовок крестьянских групповых самосудов как произвола и дикости, доказывая функциональность их как особой формы правосудного возмездия за деяние, несущее опасность не отдельной личности, а крестьянскому миру в целом.

Деяния, преследовавшиеся государственными судами, если по ним произошло примирение сторон, также укрывались сельским миром от коронного правосудия. Многие мелкие имущественные преступления, строго преследуемые государственным правосудием, вполне укладывались в крестьянские представления о допустимых и морально оправданных деяниях. К таковым можно отнести мелкие кражи сельского инвентаря; вещей, за которыми владелец недоглядел; кражи у лиц, не принадлежащих к крестьянскому миру и, следовательно, не подрывавших внутренних сельских устоев, и кражи у помещиков и богатых односельчан, являвшихся частью эгалитарных механизмов имущественного уравнения (1, с. 189–195). Последнее лишний раз доказывает, что концентрацию богатства в руках немногих крестьяне рассматривали как страховой имущественный запас на случай обострения нужды[5]. Потому рост преступлений против собственности в конце XIX — начале XX века можно рассматривать не как разложение моральных устоев, а, на-

5. *Люкшин Д.И.* (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М. С. 52–53.

против, как срабатывание традиционных соционормативных механизмов в условиях перегрузки.

Безгин вскрывает и особые женские тактики ухода от ответственности. В каждой из монографий приведены убедительные свидетельства, что, боясь брать на себя тяжкий грех детоубийства, крестьянские женщины обходились с внебрачными или нежелательными детьми намеренно плохо, и младенцы умирали от болезней, с которыми другая мать могла бы справиться. Подозрительно частыми также были случаи, когда матери придавливали насмерть новорожденных во время сна, что наталкивает на мысль о намеренном убийстве, доказать которое невозможно. Автор называет и причину такого поведения матерей: внебрачные дети становились в деревне изгоями, а их матери подвергались всеобщему осуждению, что и порождало желание избавиться от дитя, не вызывая подозрений в намеренности деяния (1, с. 163–164; 2, с. 173).

Безгин вообще фокусирует взгляд на преступлениях гендерного характера: побоях, убийствах близких родственников, супружеских изменах и кровосмесительных связях. Именно по этой причине обе монографии, частично пересекаясь, хорошо взаимно дополняют друг друга. В то же самое время данное обстоятельство наталкивает на мысль, что автором здесь допущен некоторый перекос. Меньше укорененными в этнографическим материале, более теоретизированными получились те части монографий, где подвергаются анализу имущественные правонарушения, а также земельное право.

Что касается последнего, оно рассмотрено автором скорее как один из разделов имущественных правоотношений, но не как самостоятельная отрасль обычного права. Конкретика здесь предполагает обращение не столько к практике волостных крестьянских судов, к компетенции которых относились только земельные конфликты между дворохозяйствами, сколько к материалам сельских и волостных сходов. Совершенно очевидно, что многообразие традиций коренных и частных земельных переделов, особенностей пользования различными видами земельных угодий юридизирована, и именно юридически обоснованные решения уполномоченных с точки зрения сельских жителей органов становились источниками, на основе которых крестьянские суды разрешали и частные конфликты. Существует внушительная научно-исследовательская литература о традициях землепользования в России, и у данной темы имеется самостоятельная весьма обширная источниковая база. Полноценное ее рассмотрение потребовало бы минимум отдельной главы. Но это было бы вполне оправданное приращение объема. Углубленный экскурс в данную проблему позволяет и дифференцировать зависимость хозяйственных норм обычного права от природно-климатических и государственно-политических факторов, и показать широчайший спектр норм обычного права на просторах необъятной «Крестьянороссии». Имеющийся историографический

задел по данной тематике свидетельствует о наличии серьезных исследовательских лакун, связанных с обычно-правовыми механизмами регулирования соотношения между видами земледельческих занятий. В дальнейшей детализации нуждается, к примеру, вопрос о роли общины и соседского сообщества в организации разных видов работ, включая традиционно женские коллективные. При всем многообразии литературы по проблемам крестьянского землепользования, мало кто из авторов пытался рассматривать его именно как часть обычного права и, следовательно, обращал внимание на механизмы юридизации традиций, иерархию способов разрешения конфликтов. Имеющиеся наработки в лучшем случае ограничены региональными рамками и напрашивается их обобщение, вполне отвечавшее духу задуманного Безгиным исследования. Тем более что сам он в предшествующие годы опубликовал немало работ по данной теме на материалах Центрального Черноземья[6].

В обеих монографиях Безгина, основанных преимущественно на дореволюционном материале, есть небольшие «заходы» в советские этнографические публикации первого десятилетия. В этой связи нельзя не отметить еще одну актуальную научную проблему, оставшуюся вне поля зрения исследователя. В предреволюционный период существовала общая практика разделения земли по мужским душам в отдельных регионах, и только в виде исключения женщины получали право на земельный надел и даже на участие в сходе при условии ведения ими самостоятельного хозяйства. В ходе аграрной революции произошел резкий и почти повсеместный переход к разделу земли на все взрослое сельское население. После Гражданской войны наблюдался частичный «ренессанс» практики распределения земли только на мужчин или даже на «ревизские души»[7]. Как во всех этих перипетиях «черного передела» функционировали обычно-правовые регуляторы? Почему при всей традиционности крестьянского правосознания большинство общин в одночасье «впустили» женщин в число землепользователей наравне с сильным полом? Для ответов на эти животрепещущие в све-

6. *Безгин В.Б.* (2002). Земельные иски в материалах волостных судов Тамбовской губернии // Землевладение и землепользование России (социально-правовые аспекты): XXVIII Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 24–28 сент. 2002 г. М. 116–118; *Безгин В.Б.* (2009). Крестьянская аренда земли в губерниях Центрального Черноземья конца XIX — начала XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XX в.: II Междунар. науч.-практ. конф. Коломна. С. 18–22; *Безгин В.Б.* (2012). Крестьянство Центрального Черноземья в аграрных преобразованиях П.А. Столыпина (региональные особенности) // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: Междунар. науч-практ. конф. М. С. 306–323.

7. *Иванов А.А.* (2010). Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов: Источниковедческие очерки (По материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола. С. 194–196.

те недавних юбилеев вопросы нужно исследование трансформации обычного права. Знакомство с недавно опубликованными монографиями Безгина в этом лишний раз убеждает и зовет к расширению хронологических рамок исследования обычного права крестьян.

Но вернемся к основной теме в обозначенных Безгиным тематических и хронологических границах. Анализ суда и особенности процессуальных норм русских крестьян рассмотрены в отдельной главе соответствующей монографии, но информация по данной проблеме щедро и вполне уместно рассредоточена и по другим главам. Крестьянское правосудие действовало как эффективный социальный фильтр, подправлявший недостатки коронных судов в случаях, если предусмотренные в законодательстве санкции по меркам крестьянского правосознания казались слишком жестокими или, напротив, слишком мягкими. В обоих случаях виновники укрывались от судебного преследования: в первом случае освобождались от ответственности, а во втором, наоборот, отдавались на праведную народную расправу.

Принципиально важна подспудно проводимая Безгиным мысль: волостные крестьянские суды оставались лишь вершиной айсберга деревенских конфликтов, регулировавшихся нормами обычного права. В части своих решений они только санкционировали постановления семейных судов и, следовательно, не являлись органом, самостоятельно выносившим вердикты (1, с. 245). Широкое распространение имела не отраженная в писанном праве практика создания сельских судов для разрешения конфликтных ситуаций, утверждения таких решений сельским сходом. Староста, принимавший дела к рассмотрению в волостных судах, предлагал варианты примирения сторон, то есть на деле оказывался первой, досудебной, правосудной инстанцией (1, с. 244–247). Автор фиксирует тот факт, что имел место рост правоспособности женщин на исходе имперского периода, успешно отстаивавших в волостных судах свои имущественные и личные права, в том числе и перед родственниками, опираясь именно на нормы обычного права (2, с. 93–101).

На основании анализа сводки высказываний крестьян и правоведов о волостных крестьянских судах Безгин формулирует важный тезис: судьи, вынося то или иное решение, руководствовались часто не обычаем, а здравым смыслом и обыденным понятием о справедливости. После 1889 года волостные суды принимали многие решения, опираясь на российское законодательство, а не на обычаи. В большинстве судов делопроизводством заправлял волостной писарь, а в ряде случаев он имел влияние на принятие решений. Часть приговоров и вовсе не вносилась в книги (1, с. 281–285). В результате практику волостных судов лишь с большой осторожностью можно рассматривать как источник обычного права русских крестьян. Но в целом она соответствовала крестьянскому правосознанию и может трактоваться как одно из его проявлений.

Процессуальные нормы дольше сохраняли печать крестьянских правовых традиций. Многие использовавшиеся крестьянами приемы сбора доказательств известны именно по древнейшему праву поиска улик потерпевшим, повальный обыск, вызов лиц, свидетельствующих о репутации сторон (в древности послухов), широкое использование устной клятвы как доказательства. В системе доказательств, принимаемых крестьянскими судами, фигурировали приметы, сравнимые с архаичными ордалиями. Можно отметить и замену древних пережитков их более модернизированными суррогатами. Крестьяне широко пользовались правом удаления из общины совершивших тяжкие преступления и лиц антиобщественного поведения (1, с. 252–253). На основании приговора сельского общества крестьян направляли в ссылку. Что это как не осовремененный и гуманизированный вариант «потока и разграбления»? Широко практиковавшиеся избиения преступников, прежде чем передать их в руки правосудия, нередко в присутствии членов сельской администрации, преследовали не только цель устрашения и возмездия, но и позволяли зримо проявить социальную солидарность общины и одновременно становились действенным средством профилактики аналогичных преступлений (1, с. 263, 269). Автор отмечает также и обязательную публичность телесных и позорящих наказаний как в случае осуждения по решениям волостных и сельских судов, так равно и при реализации права на разрешение семейного конфликта. Это делалось и для острастки окружающих, и чтобы удостоверить точность исполнения приговора. Полифункциональным являлось и взимание штрафов, измеряемое не только в денежном выражении, но подчас в ведрах водки. Виновник не только нес материальные издержки, но и компенсировал потерпевшему или вовлеченным в процессуальные действия членам общины моральную напряженность, а сам обряд совместного распития символизировал замирение сторон при посредничестве членов суда или более широкого круга участников празднования. Некоторые гражданско-правовые практики русских крестьян также восходят к временам «Русской правды». Давно изгнанные из писанного законодательства, они так и остались частью крестьянской обычно-правовой жизни. К таковым, например, можно отнести приравнивание словесного и письменного изъявления воли наследодателя (1, с. 49), так же как и сужение круга наследников ближними родственниками, делящими общий кров и ведущими одно хозяйство.

Безгин высказал некоторые идеи, весьма ценные в плане теоретического понимания соотношения обычного и писанного права в последние десятилетия существования Российской империи. Он, в частности, акцентировал внимание на существовавшем в крестьянских судах принципе принимать решения, всегда глядя не только на обстоятельства, но и на личности обвиняемого и потерпевшего, их репутацию (1, с. 289–290). В коронном правосудии учет личности участников судебного процесса вошел в практику лишь поре-

форменного суда и воспринимался в то время как величайшее достижение прогресса юридической мысли.

Можно отметить, что помимо анализа судебной системы исследователь неоднократно подчеркивает серьезную роль общинных институтов по профилактике преступлений. Сход имел обыкновение брать под свой контроль семьи, конфликты в которых повышали вероятность криминального исхода: побои, измены, внебрачные беременности. К контролю подключались соседи, а ответственными за благополучное разрешение конфликта назначали старших в семье или весь ее состав в целом. Жаль только, что в тексте монографий отсутствуют сведения о том, как такой контроль проводился на практике, поддерживался в повседневной жизни и как распределялась ответственность, если все же правонарушение происходило. Возможно, об этом просто умалчивают источники.

Странно, что нигде прямо не сформулирован вывод о том, что многие материальные и процессуальные нормы древнерусского права являлись частью обычного права русских крестьян до пореформенного времени — Безгин делает в тексте множество намеков на данное обстоятельство. Представляется, что более плодотворным было бы впрямую сформулировать тезис о связи наиболее прочных крестьянских правовых обычаев с древнерусским правом, что позволило бы шире обращаться к этнографическому материалу. Известно, например, что, опираясь на этнографические записи, историки права реконструировали детали древнейшего обычая гонения следа[8]. Конечно, сделать это в отведенном объеме было очень сложно, т.к. вообще анализ процессуальных норм обычного права в книгах Безгина весьма лапидарен и не занимает самостоятельного места. Сама эта мысль, на которую столь явно наталкивают читателя рецензируемые монографии, будучи сформулированной, стала бы одним из веских доказательств в неутихающих спорах о том, является ли русская крестьянская община позднесредневековым порождением государства, или, возникнув раньше государства, пронесла через века и приумножила традиции русского крестьянства[9].

Российская историография, безусловно, обогатилась новыми исследованиями крестьянского обычного права и крестьянской повседневности, в которых значительный объем ценнейшего фактического материала подан в яркой, запоминающейся форме, гармонично и непротиворечиво осмыслен на глубоком теоретическом уровне.

---

8. *Бобровский О.В.* (2013). Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде // Памятники Российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учебно-научное пособие / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М. С. 289–395.
9. О новейших отголосках этого историографического спора см.: *Бабашкин В.В.* (2018). «...Жить единым человечьим общежитьем», или Теория общины // Крестьяноведение. № 2. С. 183–184.

Нет ни малейшего сомнения в том, что вопросы, возникающие при знакомстве с двумя новейшими монографиями В.Б. Безгина, свидетельствуют о том, что автору удалось наметить новые научные проблемы, а значит, приоткрыть себе и коллегам дальнейшие пути их исследования.

The primacy of public over personal, or the Russian village in the legal-anthropological perspective of Vladimir Bezgin

Vadim M. Rynkov, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History Siberian Branch, Russian Academy of Science; Associate Professor, Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, Nikolaeva st. 8, E-mail: vadsvet@list.ru